

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология, Контексты культуры и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздиков, Е.О. Символ в поэзии Поля Верлена, Артюра Рембо и Стефана Малларме: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.О. Гвоздиков. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 232 с.
2. Белавина, Е.М. Поэтика Поля Верлена и проблема творческого воображения: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.М. Белавина. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 273 с.
3. Федотова, В.Е. Становление импрессионизма в поэзии Поля Верлена: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / В.Е. Федотова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 22 с.
4. Verlaine, P. Oeuvres complètes / Texte établi et annoté par Y.-G. Le Dantec. – Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1954. – 1349 p.
5. Сырица, Г.С. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 344 с.

МНОГОЯЗЫЧИЕ, СИНТЕЗ КУЛЬТУР И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОСКАРА МИЛОША

Е.Д. Семченко

Полоцкий государственный университет, Беларусь

Несмотря на изрядное количество статей и исследований, написанных подлинными знатоками предмета, такими как Микалоюс Гинтас, Геновайте Дручкуте (Genovaitis Druckute), Соле Бузэте (Saulis Buzaitis), Томас Венцлова (Tomas Venclova), Ядвига Круминие (Jadviga Kruminienė) регулярно случающиеся диссертации на филологических факультетах французских университетов и французских отделениях американских университетов (Мария-Ева Беното-Александр (Marie-Eve Benoteau-Alexandre) «Библейская типография и поэтическая современность: размышления над междустрочными пробелами у Милоша, Клоделя, Меесконника», Марилен Коссетт (Maryline Cossette) «Мистическое исследование и исследование любви при изучении наслаждения в посвященных повествованиях у Нерваля, Милоша, Гессена»), писать об Оскаре Милоше трудно и даже невозможно. Так, словно написанное им не вполне поддавалось бы пересказу собственными словами. Невозможность – ключевое слово для поэтики Милоша, а потому и для всего, что с ним связано. Карлос Ларронд, один из самых близких друзей и самых пылких почитателей Оскара Милоша, писал в 1944 году (то есть спустя пять лет после смерти поэта): «Время не будет властно над творениями Милоша. Их воздействие только усилится. Весть, которую он несет, еще не достигла людей. Мы – те немногие, кому вняты ее величие и глубина. Лишь грядущее определит его истинное место» [1, с. 29]. Он оказался плохим пророком. Вскоре наследие Милоша было почти полностью забыто. И, несмотря на серьезный круг ценителей при жизни, раскаты глухой славы, неожиданные и яркие ее взлеты, и многие другие превратности, Милош так и остался фигурой для замкнутого круга. Писателем ни забытым, ни известным. И при жизни Милош не пользовался большим успехом у критиков и читателей. Сначала в нем видели достойного представителя плеяды символистов, «что в начале 90-х годов уже казалось анахронизмом» [2, с. 16]; был момент славы после выхода «Мигеля Маньяры» (1913); затем его поэтические поиски пошли по сложному философскому пути и прервались (если не считать отдельных посмертных публикаций) в 1926 году. Кое-кто истолковывал это молчание как следствие «обращения» в католицизм. А Годуа решительно и убедительно отвечает на вопрос «Почему же в таком случае, Милош прервал свое поэтическое творчество?» следующим образом: «Извечная мука всякого великого поэта – одиночество и то непонимание, которое оно с собой несет. Истинный поэт презирает славу, но жаждет власти над умами. Он знает, чувствует ту апостольскую миссию, которую Бог на него возложил. Можно сказать, что Милош всю свою жизнь был жертвой непонимания и презрительного равнодушия современников» [2, с. 19]. Милош и вправду должен был особенно остро ощущать непонимание современников, если мог под конец жизни сказать: «Люди и сама природа так мне надоели и опротивели, что я по четыре раза на дню молю Бога избавить меня от смехотворного груза этой жизни» [2, с. 23]. Не будем забывать то, что с присущей ему блистательной лаконичностью сказал о Милоше другой Оскар, Уайльд; встретив Милоша в обществе Жана Мореаса, он произнес: «Вот Мореас – поэт; а вот Милош – поэзия» [2, с. 55]. Итак, попытаемся прочертить краткую биографию Милоша, сопоставляя этапы его жизни с публикацией его основных сочинений.

«Я – литовский поэт, пишущий по-французски». Эти слова Оскара Милоша вошли в энциклопедии и монографии. Что же из себя представляет этот поэт, не сыскавший шумной славы, но в то же время являющийся, по словам знаменитого французского эстетика Г. Башляра, «великим поэтом», «одним из величайших французских поэтов всех времен» (по словам поэта, эссеиста, романиста Ф. де Миомандра) и «одним из величайших лириков всех времен!» (по словам профессора А. Лебуа).

Оскар Милош в своей автобиографии, которую он выслал своему литовскому литературоведу Й. Гринюсу по его просьбе, писал о том, что он родился 28 мая 1877 года в имении Черей Могилевской губернии (в настоящее время это деревня, расположенная в Чашникском районе Витебской области), – поместье в 12 тысяч гектаров, которое принадлежало его семье с конца XVIII века до 1917 года.

К моменту его рождения Черей входит в состав Российской империи, и, следовательно, в детстве у Милоша было что-то «русское». Но более всего в душе ребенка запечатлелась Литва с ее пейзажами; она предстает «потерянным раем» – потерянным, как мы увидим, из-за скорой разлуки, но главное – из-за событий 1917–1918 годов, лишивших Милоша всякого имущества. Детство Милоша, по всей вероятности, было схоже с детством всех дворянских отпрысков его времени, но со своими сложностями из-за особенностей домашней ситуации. Отец его, Владислав, был человеком со странностями; друзья и знакомые считали его личностью неуравновешенной; он занимался алхимией и славился своими необъяснимыми поступками. Среди них – женитьба на еврейской девушке, Марии Розалии Розенталь. То, что дворянин знатного рода в католической Литве женился на еврейке, вызвало большой скандал. Брак не был счастливым, и на маленьком Оскаре это, возможно, сказалось навсегда. Мы говорим «возможно», потому что Милош очень скуп на сведения о своей жизни; он не оставил дневника, не описывал подробно свои встречи, впечатления от книг, путешествия.

Вот что писал Оскар Милош в своей автобиографии о годах, проведенных в родовом поместье. «Я вырос в Черее в совершенном духовном одиночестве. Здесь родилась моя любовь к природе, здесь мой характер приобрел мрачноватый оттенок. Имение было богато изумительными пейзажами. Красота парков и садов делала его почти королевской резиденцией. Здесь был замок в стиле XVIII века, построенный моим прадедом, с театром и оранжереями; их образы часто мелькают в моих первых произведениях. А семья жила в большом старинном деревянном доме в стиле ампир, увешанном портретами моего рода и наполненном старинными вещами, которые во многом повлияли на формирование моего духовного мира и дали созреть моей склонности к искусству, унаследованной от бабушки. Я никогда не мог дать воли своим сыновним чувствам. Отец был вспыльчив и болезнен. Материалистическая и непонятная любовь матери мне так надоела, что во избежание эмоций, которые возникали при ее близости, я рано стал прятаться в самых укромных местах парков и садов. Целые дни я проводил с гувернанткой-француженкой Марией Вильд и гувернером Станиславом Добушинским».

Вся его жизнь, понимаемая как поэтическая миссия, должна была раствориться в его сочинениях. Поэтому при попытках воссоздать его биографию мы сталкиваемся с множеством белых пятен. Во Франции он оказывается в возрасте 11 лет – в 1889 году, в год всемирной выставки, родители переезжают в Париж. Школа Лувра, затем Школа Восточных языков, изучение гебраистики и ассириологии. Здесь, под руководством известного ученого Эжена Ледрена, переводчика Библии, Милош изучает древнееврейскую эпиграфику и глубоко погружается в мир древнего Востока; во всех его сочинениях часто встречаются персонажи и имена, связанные с этой культурой; изучению Библии будут посвящены и последние годы его жизни. Оскар бегло говорит по-русски, по-польски, по-немецки, по-английски. Французский язык, избранный им для творчества, тем не менее, находится на обратном полюсе по отношению к славянским языкам, и обнаруживаемая там степень языковой чувствительности определяет ему исключительное место во всей французской поэзии XX века. Занятия древними языками, изучение Библии и Каббалы в оригинальных текстах, сказываются на ритмическом рисунке поэтической речи и образном строе вдохновения. Здесь обнаруживается исходная точка его зрелой поэтики, – то небольшое количество стихотворений, которые, собственно, и определяют его место в мировой литературе.

Первый поэтический сборник с показательным названием «Поэма упадка» (1899) он выпускает в 22-летнем возрасте. За ним следуют «Семь одиночеств» (1906) и «Элементы» (1911). В эти годы Милош создает свой миф. Он много путешествует, особенно после смерти отца в 1904 году. Несколько лет живет в белорусском поместье, движется по России, Польше, Англии, Германии, Австрии, Италии, Испании и Северной Африке. Совершает несколько поездок в Литву в поисках корней, безуспешных, но именно оттуда привозит необычное написание своего имени и загадочный образ *литовского принца*, – важной части его восприятия современниками. Литва становится средоточием его мифа. В 1918 году Милош в составе литовской делегации участвует в заседаниях Лиги Наций, организывает посольства в Париже и Брюсселе, в 1919 становится литовским представителем при французском правительстве, а в 1926 получает звание почетного консула Литовской республики.

Первый сборник «Поэма упадка», вышел в 1899 году и книжка была встречена с интересом во французских поздне-символистских кругах. Она состоит из двух частей; вторая – по мнению всех критиков, менее примечательная, – носит то же название, что и весь сборник. Первая, в которую входят 17 стихотворений, называется «Женщины и призраки»; это словосочетание уже включает в себе главную тему – поиски истинной любви, «любви огромной, сумрачной и нежной», что и будет составлять основу всего творчества Милоша. В самом этом названии уже просматривается определенный образ движения:

женщина – его отправная точка, но она оказывается призраком, и начинается новый этап поисков, тот, который будет со всей очевидностью описан как раз в «Мигеле Маньяре».

«Семь одиночеств» вышли в свет в 1906 году; сочинение «остается в русле декаданса, хотя невыносимая ностальгия по утраченной стране [Литве его детства], лежащая в основании всей лирики Милоша, порой придает этим стихам звучание, роднящее их с благородными образцами более ранней чистоты, к которой так часто обращается современная поэзия». Даже самые благожелательные критики отмечают, что стихам этим свойственно «красноречие несколько напыщенное», хотя среди них встречаются и лучшие милошевские страницы: «Все мертвые пьяны» и «Каромама».

До времени появления «Сентябрьской симфонии», которая была написана в 1913 году в Мюнхене, внимания заслуживают его единственный роман «Любовное посвящение» и сценическая мистерия «Мигель Маньяра». Письмо этого романа-поэмы очень сложное, так что невозможно даже в общем проследить ход мысли главного героя, терзаемого одиночеством, затем жаждой обладания, затем ревностью, затем эстетическим восторгом от музыки, затем, наконец, восторгом моральным от дел милосердия. Как подсказывает само название, речь идет о настоящем посвящении, то есть введении – через любовь нечистую, откровенно непристойную – в более высокое измерение любви и, как следствие, всего представления о себе самом и о жизни в целом. Эта мысль, пронизывающая роман, часто подчеркивалась критиками, и сам автор высказывает ее на первой странице: «О моей жизни я мало что могу вам рассказать. Детство мое не знало любви; юность не вкусила сладостных плодов страсти; и на пороге старости зрелость отлетает от меня, не оставив воспоминаний дружбы. У меня никогда не было иной заботы, кроме как заполнить множеством сумасбродств то место, которое любовь оставила пустым в моем сердце; ибо там, куда не нисходит нежность, появляются языки лжи, безумия и мерзости. Даже сладострастие мое всегда было лишь развратом воображения. Моя горькая, больная кровь долго несла по жилам римский разврат и пепел Содомы. Жестоко обманутый в моих поисках чистой любви, я мстил за свою душу, оскверняя свое тело. Постыдное мое сластолюбие стекало по плоти ребенка, как капает из цветка отвратительная слюна октябрьских слизней. Я искал любви повсюду, где только мог надеяться ее найти; и оставался одинок в толпе слепых и глухих». С написанием симфонии Милош находит свою форму, обретает свой полный тон и путь в свой собственный поэтический мир.

Вопреки очевидному, он никогда не относил себя к символистам и всегда считал, что культивирует неоромантизм. По всей видимости, внутренний тон его поэзии виделся ему совсем иным, и при этом его ранняя поэзия, три поэтических сборника, являются не более чем поиском верной ноты. Выстраивая свою собственную поразительную картину мира, он принимает тезис о передаче тайного знания со времен пифагорейцев и не считает полным вымыслом легенду о тамплиерах. В средневековье единство религии и науки удерживает герменевтическая линия, – алхимия и христианизированная Каббала. Ренессанс – эпоха единства религии и науки, впоследствии уничтоженная. От современного ему Рене Генона Милош принимает тезис о принадлежности к ордену тамплиеров Данте. А Данте и Гете – пример поэзии наиболее возвышенной после Нового завета. Милош приветствует новый, скрытый Ренессанс, ибо в нем содержится зародыш будущего единения не только науки и религии, но также религии, искусства и философии, поэтому будущее, к которому он адресуется, получает у него название второго Ренессанса. Эссенцией искусства является тайна.

В определении важнейших для него явлений Милош использует лексику и аллюзии, ставшие широко известными уже после его смерти, благодаря успехам современной физики и космологии. Опорные точки его главных произведений могут быть поняты, например, в рамках теории Большого Взрыва, согласно которому Вселенная возникла из точки или мгновения, не поддающегося описанию в категориях пространства-времени, которые лишь там получают свое начало. Можно утверждать поэтому, что он интуитивно предугадал переворот в теоретической физике и его последствия. Однако отличие между ним и учеными состоит в том, что он эту исходную точку, или миг, интерпретирует религиозно – она является для него актом творения посредством трансмутации, как он говорит, нефизического света в свет физический [2, с. 47].

После одной из ссор с отцом, Милош решает покончить жизнь самоубийством. Есть некоторые неточности на этот счет: у одних биографов встречается дата 1 января 1901 года и говорится, что Милош пустил себе пулю в грудь, а у других – весна 1899 и выстрел в лоб. Но в обоих случаях самое удивительное то, что после ранения поэт всего несколько недель пролежал в больнице и вышел оттуда совершенно здоровым. Жест, может быть, много поясняющий в характере его одиночества, но бесполезный для всего им написанного. В центре его существования, а значит и поэтики, стоит совсем другое. «Я увидел духовное солнце» – написал он в письме вскоре после этого события. Что это значило? 14 декабря 1914 года Оскар Милош обрел видение «духовного солнца» или «Ангела Иеговы», как он называл это позже. Видение это радикально изменило его мировоззрение. Произведения Милоша как-то странно соединяют в себе ясность классической формы и неосозаемые контуры лирического видения.

Милошу этот момент дал совершенную уверенность в собственной миссии. Исключая какой-либо компромисс, свои сочинения он наполняет совершенно определенным шифром, так, чтобы никто из непосвященных не смог добраться до их истинного смысла. Текущее столетие он считает исключительно преступным и вульгарным, и это отвращение склоняет его также и к противопоставлению форм. Главные его сочинения «Арс Магна» и «Тайны» – по форме пророческие письма, обращенные к будущим поколениям. Странность мысли пересекает здесь все границы дозволенного.

Милош предвидит апокалипсическую войну, начало которой должно прийти на тридцатые годы и явиться следствием выхода Германии из Лиги Наций и ее агрессии на Балтике. Трактат Милоша был издан небольшим тиражом с пометкой *Конфиденциально* и адресовался людям, ответственным за ближайшие судьбы мира. Он был очень серьезен.

В целом, содержание его стихов не может быть отделено от его мистической доктрины. Границы между намеренно используемым герметизмом и личной символикой, зашифрованными воспоминаниями провести трудно. Разумеется, разглядеть внутреннее единство поэтического творчества нелегко. К тому же в случае с Милошем мы не располагаем его признаниями или дневниковыми записями; приходится основывать свои выводы на самих сочинениях. Однако это не безнадежно, поскольку сам Милош снабдил нас указаниями и на периодизацию своего творчества, и на «красную нить», сквозь него проходящую. О периодизации он писал в письме от 26 апреля 1933 года: «Так некоторые натуры с юности и до старости получают необходимую пищу для своей неуемной страсти: сначала поэзия, затем метафизика и, наконец, наука – но наука истинная, наука, взыскующая божественного и влюбленная в него» [3, с. 36]. Что же касается «красной нити», то ее без труда можно разглядеть в слове «Любовь» (с большой буквы!), которое постоянно звучит в сочинениях Милоша и в комментариях к ним.

По словам Милоша, писать стихи – это «именовать вещи посредством любви». И действительно, все его творчество пронизано этим чувством (хотя это больше, чем чувство). Оно возникает из глубины веков и из садов детства, из переосмысления мира и из всего, о чем бы ни писал поэт. Это любовь с примесью тоски, тоски по ослепительному проявлению счастья в бесконечных деталях, окружающих наше существование. Своеобразная поэтическая медитация ведет к видению, в котором сплетаются времена, детали, цепь ситуаций и категорий. В лирическом видении отдельные детали природы становятся единицами внутреннего состояния, воспоминания детства перерастают в сущность мироздания, тихая и печальная интимность возвышается до пафоса псалмов. Следует также упомянуть сочинения, посвященные его родине, Литве. У них была и политическая цель: возрожденная литовская нация (ее самоопределение, как уже было сказано, произошло в январе 1918 года) должна была предстать в собрании европейских народов во всем богатстве своих исторических, культурных и литературных традиций. И кто лучше Милоша, профессионального дипломата, изысканного поэта, ученого полиглота, мог справиться с этой задачей? Переложение литовских сказок и легенд на французский язык – это настоящая оригинальная творческая работа. В ней Милош излил всю свою ностальгию по утраченной родине (символу райской чистоты детства, как явствует из первых же его сочинений) и все свои живые чувства к природе. Милош не наивен: «Природа (столь прекрасная в глазах большинства людей), эта природа, в лоне которой мы живем тысячи лет, есть нечто абсолютно безобразное и низкое. Мы выносим ее только потому, что в глубине нашей души еще живет воспоминание о первозданной природе, божественной и истинной». Именно поэтому следует толковать отношение Милоша к природе (символически представленной в образе его родной земли) как «чувство поначалу романтическое, которое просветляется, рассеивается с осознанием того, что любовь к Природе – всего лишь любовь к миру, и наконец, отступает перед прекрасным ликом Бога».

Милош явился творцом собственной системы, по своей природе, не являющейся философской, поскольку переложить ее языком дискурса нельзя. Система эта обратна строгой понятийной системе. Для ее определения может быть использован термин метафизика, либо метапоэтика, поскольку способ ее построения обнаруживается вне сферы философии и теологии и представляет собой форму высокой поэзии [5, с. 39].

Не зная хорошо литовского языка, он стал гражданином Литвы и представлял ее дипломатические интересы как посол во Франции. Значит, был человеком этнического и культурного пограничья, а его наследие принадлежит нескольким народам. Французский поэт, поданный Российской империи (как француз он натурализуется лишь в 1931 году), на четверть итальянец по бабушке, наполовину еврей по матери, поляк, обретший литовскость. Корни его поэтики находятся во французском романтизме, немецкой и английской поэзии. Ранние стихи – почти целиком постсимволизм, использующий романтические и символические клише вторичные на фоне Клоделя, Валери, Сен-Жон Перса, Аполлинера.

Являясь личностью неординарной, будучи профессиональным дипломатом, полиглотом, неутомимым путешественником, Милошу и в своем литературном творчестве удавалось соединять и сочетать различные культуры, различные языки и литературные традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Larronde, C. Milosz et les archétypes / C. Larronde // Cahiers consacrés à Oscar Venceslas de Lubicz Milosz, poète. – 36. – Paris: Éditions Œuvres de Milosz, 1944. – P. 27–31.
2. Godoy, A. Milosz: Le Poète de l'Amour / A. Godoy. – Paris: Librairie Universitaire Fribourg, 1944. – 265 p.
3. Buge, J. La «métaphysique» de Milosz / J. Buge // Cahiers consacrés à Oscar Venceslas de Lubicz Milosz, poète. – 8. – Paris: Éditions André Silvestre, 1963. – P. 35–39.
4. de L. Milosz, O.V. L'amoureuse Initiation Œuvres complètes Tome II / O.V. de L. Milosz. – Fribourg: Egloff, 1944. – 266 p.
5. de Brimont, R. Milosz, poète métaphysicien / R. de Brimont // Cahiers consacrés à Oscar Venceslas de Lubicz Milosz, poète. – 33. – Paris: Éditions André Silvestre, 1994. – P. 37–41.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ

РИХАРД ДЕМЕЛЬ

В.Д. Седельник

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва (Россия)

Рихарда Демеля (Richard Dehmelt, 1863–1920) постигла судьба многих инициаторов обновления литературного кода: достижения его последователей отодвинули в тень собственное творчество видного поэта и драматурга. В свое время Демель считался выдающимся явлением немецкой литературы. В нем видели провозвестника нового времени и пролагателя путей для нового искусства. В его стихах чувствовались «подземные толчки вулканической натуры» (П.И. Шиндлер), предвещавшие неотвратимо надвигающийся тектонический сдвиг. Его считали «душой эпохи» (Zeitseele), его поэзией восхищались, для многих он был непререкаемым авторитетом, к нему обращались за советом молодые литераторы, среди которых были, например, Томас Манн и Йоганнес Р. Бехер. В Демеле, которого называли «северным магом» (Magus aus Norden), видели «литературную совесть своего времени»¹. И сам он считал поэтическое слово мощным инструментом влияния, а поэта – пророком, призванным «глаголом» изменять время и людей, способствовать духовному росту человека. Его творчество, особенно на раннем этапе, было экстаическим порывом к прекрасному, к торжеству жизненных сил, к свободному проявлению естественных влечений. В нем боролись «демоны бездны» и «духи возвышенного», но с уверенностью сказать, кто вышел победителем из этой борьбы, крайне затруднительно, особенно если учитывать противоречия его эволюции. Пантеистическое прославление свободной личности, сочувствие к человеку труда, к рабочим больших городов, столь ярко и яростно выраженное в его ранней лирике, постепенно сменилось попытками «вознестись» над социальными проблемами, преодолеть разлад между «животным и богом» и пробиться к вселенской гармонии поверх серой повседневности. Естественно, это вряд ли могло пойти на пользу его творчеству. Не способствовало росту его влияния и все более заметное в первые десятилетия XX в. скатывание к национализму и шовинизму. После первой мировой войны о нем начали забывать: его пафос оказался не к месту и не ко времени. Но многое из созданного им в 1890-е годы заслуженно вошло в сокровищницу немецкой поэзии.

Рихард Демель родился в семье лесника и был старшим из одиннадцати детей, из которых выжило только пятеро. Детство он провел в лесном доме отца недалеко от городка Креммена. В лесу он чувствовал себя как дома, «знал, как называется каждое дерево, каждый куст, знал названия и свойства каждого гриба и узнавал по голосу каждую птицу»². И не только любил и знал природу с детских лет – он изучал ее, читал труды по зоологии и сравнительной анатомии, был почитателем учения Дарвина, упорно отстаивал свою точку зрения на естественные законы в споре с директором гимназии, за что был исключен из учебного заведения. Экзамен на аттестат зрелости Демель сдал через полгода в Данциге, учился в Лейпцигском университете, глубоко интересовался философией и естественными науками, но диссертацию в 1887 году защитил по проблемам страхования и с 1888 по 1894 год зарабатывал на жизнь службой в страховом обществе, хотя считал эту работу «бессмысленным занятием». В 1889 году он женился на Пауле Оппенхаймер, дочери берлинского раввина, тоже наделенной поэтическим даром. В эти годы он тесно общался с натуралистами, с Августом Стриндбергом и Станиславом Пшибышевским, увлекавшимися идеями Ницше. В Берлине Демель остро ощущал разительный контраст между жизнью большого города и детством, проведенным на лоне природы. Тайное желание вернуться в прошлое, в идиллию деревенского быта не покидало его до конца жизни.